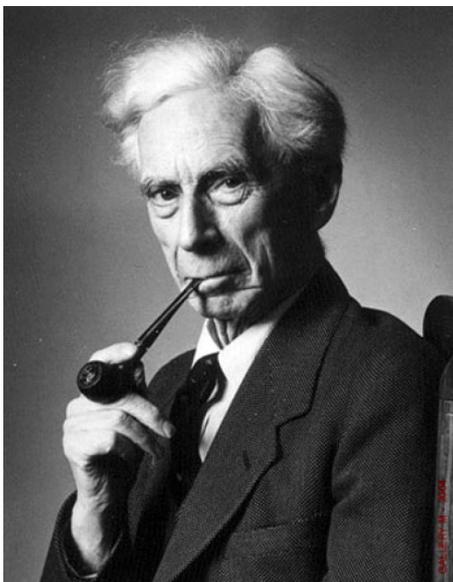

РАССЕЛ И ВИТГЕНШТЕЙН: УЧЕНИЧЕСТВО И ДРУГИЕ 'ПЕРЕСЕЧЕНИЯ'

Статья посвящена анализу традиционной интерпретации развития личных и интеллектуальных отношений Рассела и Витгенштейна в свете публикации материалов Архива Рассела. Демонстрируется и критикуется мифологичность традиционной интерпретации развития их сотрудничества. Показана более сложная траектория развития этих отношений, которая не соответствует традиционной интерпретации, согласно которой это развитие привело к своеобразной интеллектуальной и творческой капитуляции Рассела перед бывшим учеником.

Ключевые слова: Б. Рассел, Л. Витгенштейн, Логико-философский трактат, ранняя аналитическая философия.

Бертран РАССЕЛ

В 1911 году Витгенштейн постучал в дверь Рассела и заявил, что он хочет изучать логику. Гость был никому не известным студентом из Манчестера, а Рассел уже очень известным философом, логиком и математиком. Так Витгенштейн стал учеником Рассела, но к 1913 году ситуация стала обратной — хозяином в отношениях стал Витгенштейн, а Рассел следовал за ним. Такова расхожая история, которую можно найти в учебниках и популярных книгах о возникновении аналитической философии. Даже биографии этих двух людей часто поддерживают эту версию, например, вышедшая недавно

в русском переводе книга Рэя Монка *Витгенштейн: долг гения* [1].

Отношения этих двух людей действительно представляют большой интерес, поскольку оба являются одними из самых известных философов XX века. Оба считаются основателями аналитической философии, яркими личностями, заметно перекроившими карту мировой философии. Их пути разошлись довольно скоро и радикально, но итогом «ученичества» (чьего?) стал знаменитый *Логико-философский трактат* [2]. Витгенштейн считал, что Рассел не понял идей *Трактата*, так что тиражируемое превосходство Витгенштейна нашло свое выражение во влиянии, которое это произведение произвело, например, на членов Венского Круга, которые изучали *Трактат* целых два года.

Как и многие расхожие истории, подчиненное положение Рассела оказалось мифом, предельно упрощающим сложные судьбы людей, и еще более сложные судьбы их доктрин и произведений. Какие же у нас есть свидетельства в пользу этого мифа?

Во-первых, Рассел действительно под влиянием жесткой критики Витгенштейна забросил в 1913 году свою рукопись книги «Теория познания». Однако, как оказалось, это было результатом не только теоретических разногласий Рассела и Витгенштейна, но и сложных личных жизненных перипетий Рассела. Рукопись была обнаружена в архивах Рассела только в 1970-х.

Во-вторых, Рассел принимает часть критики со стороны Витгенштейна некоторых положений *Principia Mathematica*, монументального труда Рассела и Уайтхеда по основаниям математики, ставшего целым этапом в становлении математической логики. Во втором издании Рассел ввел поправки,

на которых настаивал Витгенштейн. Этих исправлений не принял Уайтхед, не одобрявший усилий Витгенштейна.

Наконец, в-третьих, Рассел признавался в превосходстве Витгенштейна в своих письмах Оттолин Морелл, своей любовнице, жалуясь на свою неспособность противопоставить что-либо критике со стороны Витгенштейна.

Но вряд ли можно принимать эти высказывания за чистую монету, если учесть джентльменскую привычку Рассела отдавать первенство своим компаньонам. Это случилось с порядком авторства *Principia*: философские идеи принадлежали Расселу (а именно они и определили важность этой работы), но впереди стояло имя Уайтхеда (это даже нарушало обычный алфавитный порядок). Или же слова Рассела о том, что именно Мур возглавил восстание против абсолютного идеализма, а он, Рассел, лишь следовал за ним, хотя в действительности ситуация была несколько иной. Так что к личным признаниям Рассела о том, в какой степени он находился под влиянием Витгенштейна, нужно относиться с большой осторожностью.

Результатом взаимодействия двух философов является метафизическая доктрина под названием «логический атомизм». В значительной степени идеи доктрины нашли отражение в *Логико-философском трактате*. Поэтому дискуссия, кто у кого был учеником и кто на кого повлиял, связана с *Трактатом*. Если это полностью самостоятельное произведение, тогда придется признать, что Рассел действительно некоторое время интеллектуально был «вторичен» по отношению к Витгенштейну. Если же оказывается, что *Трактат* отнюдь не оригинален, и больше того, является «расселовским» в некоторых аспектах, тогда миф о том, что Витгенштейн из ученика Рассела превратился в его ментора, надо просто отбросить. Наконец, есть и третий вариант, в котором оба они совместно реализовывали программу логического атомизма, и были при этом равноправными партнерами. Все эти вопросы представляют интерес не только в экзегетическом плане, но и с точки зрения поисков корректной исторической и интеллектуальной реконструкции ранней философии как Рассела, так и Витгенштейна.

Критика мифа о взаимодействии Рассела и Витгенштейна последнее время стала более жесткой. Так, например, Джульетт Флойд, известная исследовательница аналитической философии, характеризуя ситуацию в публикациях последней пары десятков лет, свидетельствует: «Внимание к Расселу 1908 и 1913 гг. расширилось. Больше не будет представлять первостепенного интереса то, чему Витгенштейн учил Рассела; стало одинаково интересно, чему Витгенштейн мог бы научиться у него и чему окружающий философский контекст научил обоих» [3, с. 73].

Начнем с вопроса об оригинальности *Трактата*. Британский философ Лоуренс Голдстейн представил ряд интересных материалов, в которых оригинальность *Трактата* поставлена под обоснованное сомнение. В этом отношении особо показательно его пародийное воспроизведение события, в котором *Логико-философский трактат* был представлен в качестве диссертации с целью получения Витгенштейном права преподавать [4]. Экзаменаторами выступали Мур и Рассел. В ходе действия Рассел упрекает Витгенштейна в плагиате идей Бернарда Больцано («и совсем не принято так сильно использовать идеи других авторов, не указывая их

происхождения. Вы говорите, что не претендуете на новизну, но правила о диссертациях в Кембридже ясно говорят...» [4, с. 209]). На действительной же защите Витгенштейн произнес следующую реплику по поводу невыразимости содержания *Трактата*: «...я знаю, что вы *никогда* не поймете этого», — отчески положив руки на плечи экзаменаторов [4, с. 214].

Статья Голдстейна стала поводом для бурной дискуссии, итог которой подвел он сам [5]. Как бы ни относиться к определенному рода прострации великого философа, но его признание (записные книжки от 1931 г.) говорит о многом: «Я не верю, что изобрел что-нибудь в области мысли, я всегда заимствовал у кого-нибудь. Я просто набрасывался на это с желанием прояснить уже написанное» [5, с. 375].

Исследователи считают по-настоящему оригинальными (или, как выразился Майкл Даммит, «работой гения») произведения позднего Витгенштейна, к *Трактату* же отношение другое, и здесь часто заходит речь о том, в какой степени Витгенштейн обязан Расселу.

Жесткий вердикт по этому поводу принадлежит знаменитому логик и философу Яако Хинтикке. Название третьей главы его небольшой книги *О Витгенштейне* говорит многое: «Мысли Рассела под заглавием 'Логико-философский трактат'». Вслед за перечнем начальных тезисов *Трактата* Хинтикка пишет: «...скептически настроенный читатель тут же спросит: 'Откуда Витгенштейн знает все это? Откуда взялись эти размашистые тезисы? Например, откуда Витгенштейн знает, что структура мира состоит из неанализируемых объектов, соединенных в атомарные факты'? <...> Самый беглый взгляд на исторический фон происхождения *Трактата* дает ответ на этот вопрос. Наиболее важной особенностью этого фона перед Мировой войной в Кембридже была теория знания по знакомству Бертрана Рассела, к которой он пришел после экспериментирования с философскими теориями и изменений своих взглядов... Ясно, что прецедентом структуры мира в *Трактате* является мир, который может быть подвержен анализу до простых объектов. Только мыслитель, стоящий на плечах Рассела — или скорее на плечах расселовской теории знакомства — мог быть настолько нахальным, чтобы выдвинуть теорию, которую мы находим в *Трактате*, без всякого подтверждения или аргументации. *Трактат* Витгенштейна, если прибегнуть к самому простому определению, есть вариант расселовской теории знакомства» [6, с. 27 — 29].

После этих строк даже как-то неудобно задавать вопрос, кто у кого был учеником. Но американский исследователь Грегори Ландини все же дает на него четкий ответ в своей книге, опять-таки с очень характерным названием *Ученичество Витгенштейна у Рассела* [7]. На самом деле, Ландини написал несколько книг, цель которых состоит в том, чтобы показать нам, что работа Рассела по основаниям логики и математики, должна быть оценена заново, ввиду открывшихся новых материалов из Архива Рассела. Совсем недавняя книга Ландини посвящена 'ремонту' заброшенной рукописи Рассела *Теория познания*, ставшей жертвой нападок Витгенштейна [8]. Целая серия публикаций Ландини посвящена так называемой 'Подстановочной Теории Рассела', которая была конкурентом разветвленной теории типов в качестве формальной системы для *Principia Mathematica*. В ключевой работе из всей этой се-

рии — книге «Расселовская скрытая подстановочная теория» [9] — Ландини излагает драматическую историю усилий Рассела в разрешении парадоксов, запечатленную в десятке тысяч (!) черновиков. Принятая, в конце концов, разветвленная теория типов, подвергнутая критике Витгенштейном (ставшего лишь одним из многих среди сонма других критиков), оказалась результатом не осознанного выбора, а обнаружения нового интенционального парадокса в подстановочной теории (парадокса Рассела — Майхилла).

'Раскопки' Ландини, имеющие прямое отношение к вопросу, кто чей ученик, имеют более умеренный характер. В частности, он настаивает на том, что *Трактат* является результатом совместной программы Рассела и Витгенштейна. Именно этой точке зрения посвящено исследование Ландини, публикуемое в приложении к данной статье.

Разумеется, все три изложенные нами выше подхода не исчерпывают многочисленных комментариев по поводу взаимоотношений Рассела и Витгенштейна. В этом смысле представляет интерес не только вопрос, кто у кого был учеником, а более широкий контекст 'пересечений' этих двух мыслителей. Остальная часть данной статьи будет посвящена некоторым аспектам такого пересечения тем и взглядов.

Одно из косвенных указаний на то, был ли Рассел 'подчиненным' Витгенштейну, заключается в ситуации с Дж. Муром. Мур действительно подчинился диктату Витгенштейна. Мур записывал мысли Витгенштейна (прибыв специально к Витгенштейну во время пребывания последнего в Норвегии); он полностью признавал превосходство Витгенштейна и практически больше ничего не писал. Мур признается: «Я вскоре почувствовал, что в философии он гораздо умнее меня, и не только умнее, но и глубже, с большим пониманием того, что действительно важно и достойно исследования» [10, с. 185]. Это уничижение сказало на репутации Мура, и довольно радикальным образом. Флойд излагает данное обстоятельство следующим образом: «История ранней аналитической философии иногда воплощается в ее 'великих', как история четырех главных философов, одному из которых отводится (как метко выразился рецензент этой статьи) прискорбная роль Ринго Старра в этой истории: у нас есть Фреге, Рассел и Витгенштейн, а Мур играет на барабане» [3, с.76].

Еще более жесткое мнение высказал Монк — биограф Витгенштейна. Описывая свою встречу с Фрэнсисом Партриджем, последним выжившим членом группы Блумсбери, Монк пишет: «Однажды разговор зашел о преклонении группы Блумсбери перед Дж. Муром, и я признался, что никогда не понимал, почему Мура считают великим философом. В ответ она наклонилась через стол, нежно положила свою руку на мою и сказала: 'Видишь ли, мой дорогой, он так прекрасно пел'» [11, с. 90].

Однако не таков был Рассел. И хотя приводимый ниже эпизод в биографии Рассела случился уже после смерти Витгенштейна, он характерен для их взаимоотношений. Ричард Рорти, не принадлежавший к поклонникам Рассела, пишет: «Посмертные работы Витгенштейна заставили Рассела лезть на стену... Любой, кто уступал витгенштейновскому культу, — рычал он, — отказывается от философии, ответственности и, вероятно, моральных приличий. Но Рассел был не так уж стар, чтобы не поставить Витгенштейна на место. Сравнительно от-

каз Витгенштейна от того, что Рассел считал единственно приличным видом философии, с отказом Паскаля от математики и отказом Толстого от сочинения романов, он говорит: 'Витгенштейн, который мог бы разбираться с метафизическими тонкостями так же умно, как Паскаль с гексагонами или Толстой с императорами, выбросил на свалку свой талант и принизил его до здравого смысла, как принизил свой талант Толстой до крестьянского — в каждом случае от гордыни. Я восхищаюсь *Трактатом* Витгенштейна, но не его поздней работой, которая кажется мне самоотречением от своего лучшего таланта, что очень похоже на то же у Паскаля и Толстого'. Такого сорта находчивый ответ все мы надеемся написать в возрасте 85 лет. На самом деле это довольно точное сравнение» [12, с. 78 — 79].

Но Рассел и в период *Трактата* отнюдь не всегда принимал идеи Витгенштейна и шел на открытую конфронтацию с ним, на что отваживались очень немногие, памятуя об особенностях его характера и психики. Известно, что рукопись *Трактата* никто не хотел печатать, и лишь согласие Рассела написать *Введение* к нему позволило этому произведению появиться на свет. При этом Витгенштейн оказался крайне им недоволен. Среди прочих вещей его не устроило скептическое отношение Рассела к парадоксальному тезису о невыразимости в языке того, что содержалось в книге. Во-первых, Рассел высказал (как оказалось, очень важное и пророческое) предположение о том, что то, что нельзя выразить в одном языке, можно выразить в другом. Другими словами, Рассел предугадал важность метаязыка, что четко отмечено в недавней книге о возникновении аналитической философии [13]. Особое раздражение Витгенштейна вызвала следующая фраза Рассела: «Каждый язык имеет, как говорит м-р Витгенштейн, структуру, относительно которой в данном языке ничего не может быть сказано, но может быть другой язык, имеющий свою структуру, в котором говорится о структуре первого языка, и у этой иерархии языков нет конца» [2, с. 26].

Раздражение Витгенштейна вполне понятно, поскольку предположение о метаязыках 'обнуляет' всю важность его тезиса о том, что это невыразимое содержит всю философию и логику. Но дело еще и в том, что подобное отношение к невыразимому подрывает мистическое ощущение Витгенштейна, попытку представить мир как целое: «'Чувствование мира как ограниченного целого есть мистическое', следовательно, совокупность всех значений х есть мистическое (6.45.)» [2, с. 25].

Альберто Коффа в своей очень важной книге говорит, что мистическое в *Трактате* не является побочным эффектом позиции Витгенштейна: «Сочинения мистиков... часто являются классикой в их собственных языках. С непревзойденным красноречием мистик ведет нас этап за этапом окружным путем со своим мистическим опытом. Но когда пробивает час истины, тогда должна возникнуть реальная субстанция их историй, все их красноречие исчезает. Они ускользают из наших рук и говорят: 'Слова ускользают от меня по этому поводу... Я должен сейчас перейти к своему мистическому опыту; желаю вам удачи в получении своего опыта'. Что-то вроде этого случилось с *Трактатом*. Его финальный афоризм говорит нам, 'о чем невозможно говорить, о том следует молчать', и как Витгенштейн объяснял это Фикеру в 1919 году, для него это утверждение было (или должно было быть) важным:

‘Моя работа состояла из двух частей: одна это то, что представлено здесь, плюс все то, что я не написал. Именно эта вторая часть является важной’ (*Prototractatus*, p. 15)» [14, с. 196–197].

Прозрения читателей философских текстов могут быть двоякого рода: это может быть рациональное постижение аргументации или же вычитывание между строк мистического духа произведения. Ясно, что Рассел предпочитал писать ясно, в то время как Витгенштейн уже периода *Трактата* считал важным то, что не написано! Проблема заключалась в том, что эту же стратегию Витгенштейн продолжил в своей более поздней философии: «Второе изменение заключается в том, что Витгенштейн пришел к мысли, что процесс терапии не должен включать в себя споры. Его точка зрения становилась все более радикальной как своего рода партикуляризм, согласно которому не существует модели, которую можно было бы извлечь в качестве философского обобщения. Это одна из его самых неприятных доктрин, потому что может показаться, что это попытка сделать его невосприимчивым к философской критике. Действительно, в чужих руках это может привести к превращению его более поздней философии в своего рода культ» [13, p. 137].

Что, впрочем, и случилось, когда *Трактат* стал культовым произведением. Например, эта трудная работа стала предметом настоящего почитания у российской читающей публики, доходящего, как и положено, до крайностей. Афористический стиль *Трактата*, в ее глазах, является признаком особого шарма, а ‘таинственное’ содержание афоризмов — поводом для размышлений, не имеющих никакого отношения к контексту философской программы в понимании природы логики. Так, видный литературный критик заявляет о практике размышлений над наугод выбранным афоризмом из *Трактата*, делая из него что-то вроде коана. Публика с восторгом обсуждает ‘долг гения’, воплощенный в написании непонятных вещей, облегченных для нее биографией Монка. Другими словами, в этой рецензии все сводится к полному игнорированию собственно контекста *Трактата*, обстоятельству его рождения, генезису идей, нашедших отражение в финальной версии.

Природа культа состоит, среди прочего, в превознесении кумира и принижении его соперников. После громкого успеха с биографией Витгенштейна Монк создал двухтомную биографию Рассела. Она была принята гораздо более сдержанно, прежде всего, по вине самого Монка, который решил противопоставить агиографического персонажа Витгенштейна падшему ангелу — Расселу. Видный британский философ Энтони Грейлинг так характеризует усилия Монка в своей рецензии на второй том биографии Рассела: «Любой чувствительный читатель преисполнится жалостью по прочтении второго тома жизнеописания Бертрана Рассела. Но жалостью не к нобелевскому лауреату, а к его страдающему биографу, который оказался в прозрачной ситуации, когда ему предложили кучу денег написать о человеке, к которому он питал отвращение, и уже осознавал это, когда принимал деньги. Чек был серьезный, ввиду его успешной биографии Витгенштейна, которого он по контрасту боготворил; выбора у Монка не было ввиду того факта, что Рассел был единственной кандидатурой после Витгенштейна для агиографического сочинения» [15].

Более сдержанной оценкой усилий Монка по принижению Рассела по сравнению с Витгенштейном было отсутствие упоминания о биографии Витгенштейна в фундаментальной работе Майкла Поттера. И дело не в том, что Поттер игнорировал ‘вторичную’ литературу, потому что Монк все-таки упомянут, но уже в связи с написанной им биографией Рассела: «Том 1 биографии Монка ... можно рекомендовать как описание жизни Рассела до 1921 года; том 2 ... к сожалению, слишком неблагоприятен к своему фигуранту, чтобы быть полностью успешным» [13, p. 137].

Изложенные выше соображения о ‘пересечениях’ Рассела и Витгенштейна являются, можно сказать, каплей в море литературы на эту тему. Цель данной статьи состояла в том, чтобы как-то ‘разбавить’ серьезнейшие вопросы о логике, основаниях математики и метафизики, поднятых этими двумя философами. В общем-то очерк имел целью показать важность Рассела, и *Трактат* с его автором были выбраны для иллюстрации некоторых эпизодов, характеризующих Рассела. Что до нынешней оценки Рассела, то Флойд дала превосходную по лаконичности характеристику вклада Рассела в философию: «Хотя многие — начиная с Витгенштейна — критиковали Рассела за отсутствие ясности, глубины и серьезности, кажется, что именно Рассел должен считаться самым влиятельным новатором в философии в XX веке. Не потому, что он предложил правильные взгляды или точную философию, удовлетворительную во всех деталях, или завещал несколько различных концепций того, что аналитический метод может достичь, а потому, что он изобрел *идею* научной философии, с которой многие из нас теперь живут: краткая статья, фрагментарный подход, гибкое использование результатов современной науки, проблемно-ориентированное мышление, участие в социальных вопросах, стремление развенчать религию в пользу натурализма...» [3, с. 83].

Прилагаемая ниже статья Ландини, знатока творчества этого бесспорно выдающегося британского философа, дает представление о том, что усилия Витгенштейна периода логического атомизма были реализацией программы именно Рассела, что и является ответом на вопрос, кто чьим учеником был.

Библиографический список

1. Монк Р. Витгенштейн. Долг гения / пер. с англ. А. Васильевой. Москва: Дело, 2018. 624 с.
2. Витгенштейн Л. Логико-философский трактат / пер. с нем. И. Добронравова, Д. Лахути. Москва: Изд-во иностранной литературы, 1958. 134 с.
3. Флойд Дж. Недавние темы в истории ранней аналитической философии / пер. с англ. В. В. Целищева. Москва: Канон+ РООИ Реабилитация, 2022. 159 с.
4. Годдстейн Л. Экзамен Витгенштейна на Ph.D: воссоздание события / пер. с англ. В. В. Целищева / В. В. Целищев // Философский раскол: логика vs метафизика. Москва: Канон+ РООИ Реабилитация, 2020. С. 203–215.
5. Годдстейн Л. В какой степени оригинален Логико-философский трактат? / пер. с англ. В. А. Суровцева // Людвиг Витгенштейн: Дневники 1914–1916 гг. Ранний Витгенштейн: материалы к Логико-философскому трактату. Москва: Канон+ РООИ Реабилитация, 2009. С. 360–397.
6. Хинтикка Я. О Витгенштейне / пер. с англ. В. В. Целищева. Москва: Канон+ РООИ Реабилитация, 2012. 272 с.
7. Landini G. Wittgenstein's Apprenticeship with Russell. Cambridge: Cambridge University Press, 2007. 314 p.

8. Landini G. Repairing Bertrand Russell's 1913 Theory of Knowledge. London: Palgrave Macmillan, 2021. 397 p.

9. Landini G. Russell's Hidden Substitutional Theory. Oxford: Oxford University Press, 1998. 350 p.

10. Квинтон А. Витгенштейн: пер. с англ. В. В. Целищева // Философский раскол: логика vs метафизика / В. В. Целищев. Москва: Канон+ РООИ Реабилитация, 2020. С. 181–202.

11. Монк Р. Дж. Мур: пер. с англ. В. В. Целищева // Философский раскол: логика vs метафизика / В. В. Целищев. Москва: Канон+ РООИ Реабилитация, 2020. С. 82–90.

12. Рорти Р. Знание и знакомство: о Бертроне Расселе: пер. с англ. В. В. Целищева // Философский раскол: логика vs метафизика / В. В. Целищев. Москва: Канон+ РООИ Реабилитация, 2020. С. 72–81.

13. Potter M. The Rise of Analytic Philosophy. 1879–1930: From Frege to Ramsey. London: Routledge, 2019. 522 p.

14. Коффа А. Семантическая традиция от Канта до Карнапа: к Венскому вокзалу / пер. с англ. В. В. Целищева. Москва: Канон+ РООИ Реабилитация, 2019. 528 с.

15. Grayling A. C. A Booting for Bertie // The Observer. 2000. Saturday October 28.

ЦЕЛИЩЕВ Виталий Валентинович, доктор философских наук, научный руководитель Института философии и права СО РАН, г. Новосибирск.

SPIN-код: 2637-3030

AuthorID (РИНЦ): 71719

AuthorID (SCOPUS): 56308362200

ResearcherID: W-5593-2018

Адрес для переписки: leitval@gmail.com

Для цитирования

Целищев В. В. Рассел и Витгенштейн: ученичество и другие 'пересечения' // Омский научный вестник. Сер. Общество. История. Современность. 2022. Т. 7, № 4. С. 109–114. DOI: 10.25206/2542-0488-2022-7-4-109-114.

Статья поступила в редакцию 22.10.2022 г.

© В. В. Целищев

RUSSELL AND WITTGENSTEIN: APPRENTICESHIP AND OTHER 'CROSSINGS'

The article is devoted to the analysis of the traditional interpretation for the development of personal and intellectual relations between Russell and Wittgenstein in the light of the publication of materials from the Russell Archive. The mythology of the traditional interpretation of the development and collaboration of Wittgenstein and Russell is demonstrated and criticized. A more complex trajectory of the development of these relations is shown, which does not correspond to the traditional interpretation, according to which this development led to a kind of intellectual and creative surrender of Russell to his former student.

Keywords: B. Russell, L. Wittgenstein, *Tractatus Logico-Philosophicus*, early analytic philosophy.

References

1. Monk R. Vitgenshteyn. Dolg geniya [Ludwig Wittgenstein: The Duty of Genius] / trans. from Engl. A. Vasilieva. Moscow: Delo Publ., 2018. 624 p. (In Russ.).

2. Wittgenstein L. Logiko-filosofskiy traktat [Tractatus Logico-Philosophicus] / trans. from Germ. I. Dobronravov, D. Lahuty. Moscow, 1958, 134 p. (In Russ.).

3. Floyd J. Nedavniye temy v istorii ranney analiticheskoy filosofii [Recent Topics in the History of Early Analytic Philosophy] / trans. from Engl. V. V. Tselishchev. Moscow: Kanon+ ROOI Reabilitatsiya Publ., 2022. 159 p. (In Russ.).

4. Goldstein L. Ekzamen Vitgenshteyna na Ph.D: vossozdaniye sobytiya [Wittgenstein's Ph.D Exam: A Reenactment of an Event] / trans. from Engl. V. V. Tselishchev / V. V. Tselishchev // *Filosofskiy raskol: logika vs metafizika* [Philosophical Split: Logic vs Metaphysics]. Moscow: Kanon+ ROOI Reabilitatsiya Publ., 2020. P. 203–215. (In Russ.).

5. Goldstein L. V kakoy stepeni originalen Logiko-filosofskiy traktat? [To What Extent is the Tractatus Logico-Philosophicus Original?] / trans. from Engl. V. A. Surovtsev // *Lyudvig Vitgenshteyn: Dnevnik 1914–1916 gg. Ranniy Vitgenshteyn: materialy k Logiko-filosofskomu traktatu* [Ludwig Wittgenstein: Diaries 1914–1916. Early Wittgenstein: materials for the Tractatus Logico-Philosophicus]. Moscow: Kanon+ ROOI Reabilitatsiya Publ., 2009. P. 360–397. (In Russ.).

6. Hintikka J. O Vitgenshteyne [On Wittgenstein] / trans. from Engl. V. V. Tselishchev. Moscow: Kanon+ ROOI Reabilitatsiya Publ., 2012. 272 p. (In Russ.).

7. Landini G. Wittgenstein's Apprenticeship with Russell. Cambridge: Cambridge University Press, 2007. 314 p. (In Engl.).

8. Landini G. Repairing Bertrand Russell's 1913 Theory of Knowledge. London: Palgrave Macmillan, 2021. 397 p. (In Engl.).

9. Landini G. Russell's Hidden Substitutional Theory. Oxford: Oxford University Press, 1998. 350 p. (In Engl.).

10. Quinton A. Vitgenshteyn [Wittgenstein]: trans. from Engl. V. V. Tselishchev // *Filosofskiy raskol: logika vs metafizika* [Philosophical Split: Logic vs Metaphysics] / V. V. Tselishchev. Moscow: Kanon+ROOI Reabilitatsiya Publ., 2020. P. 181–202. (In Russ.).

11. Monk R. Dzh. Mur [G. Moore]: trans. from Engl. V. V. Tselishchev // *Filosofskiy raskol: logika vs metafizika* [Philosophical Split: Logic vs Metaphysics] / V. V. Tselishchev. Moscow: Kanon+ROOI Reabilitatsiya Publ., 2020. P. 82–90. (In Russ.).

12. Rorty R. Znaniye i znakomstvo: o Bertrane Rassele [Knowledge and Acquaintance: About Bertrand Russell]: trans. from Engl. V. V. Tselishchev // *Filosofskiy raskol: logika vs metafizika* [Philosophical Split: Logic vs Metaphysics] / V. V. Tselishchev. Moscow: Kanon+ ROOI Reabilitatsiya Publ., 2020. P. 72–81. (In Russ.).

13. Potter M. The Rise of Analytic Philosophy. 1879–1930: From Frege to Ramsey. London: Routledge, 2019. 522 p. (In Engl.).

14. Coffa A. Semanticheskaya traditsiya ot Kanta do Karnapa: k Venskemu vokzalu [The Semantic Tradition from Kant to Carnap: To the Vienna Station] / trans. from Engl. V. V. Tselishchev. Moscow: Kanon+ROOI Reabilitatsiya, 2019. 528 p. (In Russ.).

15. Grayling A. C. A Booting for Bertie // *The Observer*. 2000. Saturday October 28. (In Engl.).

TSELISHCHEV Vitaly Valentinovich, Doctor of Philosophy Sciences, Professor, Scientific Director of Philosophy and Law Institute of the Siberian Branch of the Russian Academy of Sciences, Novosibirsk.

SPIN-code: 2637-3030

AuthorID (RSCI): 71719

AuthorID (SCOPUS): 56308362200

ResearcherID: W-5593-2018

Correspondence address: leitval@gmail.com

For citations

Tselishchev V. V. Russell and Wittgenstein: apprenticeship and other 'crossings' // *Omsk Scientific Bulletin. Series Society. History. Modernity*. 2022. Vol. 7, no. 4. P. 109–114. DOI: 10.25206/2542-0488-2022-7-4-109-114.

Received October 22, 2022.

© V. V. Tselishchev